

DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-79-88

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политика памяти в современном Таджикистане: от империи к национальному государству

Александр В. Скиперских

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Пермь, Россия,

pisatels@mail.ru

Аннотация: В данной статье речь идёт об акцентах культурной политики, проводимой властью в современном Таджикистане. Целью данной статьи является изучение процесса становления и развития новой государственности в Таджикистане на предмет её обусловленности культурным и идеологическим содержанием. В периоды политических трансформаций образующийся культурный вакуум, как правило, заполняется национальным содержанием. Власть чаще начинает обращаться к национальным текстам в политической легитимации.

Процесс легитимации политической элиты с момента признания независимости Таджикистана тесным образом связан с новым культурным конструированием, акценты которого объективно связываются с различными сюжетами национальной культуры и апелляциями к героическому прошлому. Так культура становится инструментом современной политики таджикской элиты, обеспечивая её легитимационные стратегии.

Вместе с тем, акценты на национальные тексты в культурной политике Таджикистана могут быть не совсем чёткими по причине присутствия в культурном пространстве различных форм памяти, отсылающих к имперскому опыту СССР. В современном Таджикистане всё ещё заметно советское культурное наследие, расставание с которым выглядит неизбежным и мучительным для ностальгирующей по временам СССР общественности. Нет сомнений, что данный процесс является делом времени, потому как с ним напрямую связана легитимность действующей политической элиты. Автор приводит ряд примеров, как в культурном пространстве современного Таджикистана соотносится между собой советский имперский текст и новый национальный текст.

Таким образом, автор приходит к выводу, что достаточно комплиментарное со стороны Таджикистана отношение к советской и русской культуре, ввиду глубокой интеграции экономик двух государств, позволит отстрочить во времени болезненный процесс культурной трансформации.

Ключевые слова: власть, культурная политика, легитимация, политическая элита, советская культура, СССР, Таджикистан

Для цитирования: Скиперских А. В. Политика памяти в современном Таджикистане: от империи к национальному государству. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(1):79-88. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-79-88

Memory Policy in Modern Tajikistan: from Empire to National State

Aleksandr V. Skiperskikh

National Research University

«Higher School of Economics», Perm, Russia,

pisatels@mail.ru

Abstract: In this article we are talking about the accents of the cultural policy pursued by the authorities in modern Tajikistan. The purpose of this article is to study the process of formation and development of a new state in Tajikistan, for its conditionality due to cultural and ideological content. During periods of political transformation, the emerging cultural vacuum, as a rule, is filled with national content. The power very often use national texts in political legitimation. The process of legitimation the political elite since the recognition of Tajikistan's independence is closely related to a new cultural design, the accents of which are objectively associated with various subjects of national culture and appeals to the heroic past. Thus, culture becomes an instrument of the modern policy of the Tajik elite, providing its legitimating strategies.

At the same time, the emphasis on national texts in the cultural policy of Tajikistan is not entirely clear due to the presence in the cultural space of various forms of memory referring to the imperial experience of the USSR. In modern Tajikistan, the Soviet cultural heritage is still visible, the parting with which looks inevitable and painful for the public that is nostalgic for the times of the USSR. There is no doubt that this process is a matter of time, because it directly relates to the legitimacy of the current political elite. The author gives a number of examples of how the Soviet imperial text and the new national text correlate in the cultural space of modern Tajikistan. Thus, the author comes to the conclusion that a rather complimentary attitude on the part of Tajikistan towards the Soviet and Russian culture, in view of the deep integration of the economies of the two states, can allow the painful process of cultural transformation to be stymied in time.

Keywords: power, cultural policy, legitimation, political elite, Soviet culture, USSR, Tajikistan

For citation: Skiperskikh A. V. Memory Policy in Modern Tajikistan: from Empire to National State. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):79-88. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-79-88

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что события распада СССР 1991 года постепенно отдаляются

во времени, в культурном политическом пространстве современного Таджикистана до сих пор заметен советский имперский

нарратив. Длительное присутствие в качестве субъекта в составе СССР не могло не оставить в самом Таджикистане достаточно заметных следов советской культуры, которые имеют значение для политического курса современного Таджикистана. Культурный контекст всегда имеет огромное значение для власти, моментально заполняющий смысловую и ценностный вакуум, образующийся в культуре в периоды системных трансформаций. Следует вспомнить Ролана Барта, когда-то заметившего универсальный характер власти, способной заполнять его и «гнездиться в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия» [1].

Перед политической элитой Таджикистана, так или иначе, постепенно актуализируется вопрос о том, насколько советская память может быть определяющей для конструирования нового политического курса в качестве независимого государства. В таком случае, возникает вопрос о том, как с ней поступать, а также о масштабах и формах её присутствия в современной политической практике. Нужно заметить, что необходимость в этом постепенно актуализируется по мере усиления самого политического режима, за два десятилетия прошедшего путь, следуя классификации Лэрри Даймонда, от модели «гегемонистского электорального авторитаризма» — до политического режима с отсутствующей политической конкуренцией и пожизненным президентством. Установленная динамика сопровождается достаточно серьёзными изменениями в культурном и идеологическом содержании. Как справедливо отмечает Славомир Горак «конструирование современной нации на основе национального и территориального прошлого зачастую приводит к отрицанию прежнего режима» [2]. В этом смысле, внимание к советскому культурному тексту может су-

щественно снижаться — длительный период советской истории и созданный в её рамках культурный продукт могут вполне сознательно подвергаться забвению на уровне государственной политики новых национальных государств.

ДАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: КЕЙС СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА

Говоря о советском культурном тексте, присутствующем в таджикском культурном пространстве, следует взять к себе в союзники немецкого теоретика культуры Германа Люббе. Данный автор вводит в научный оборот термин «информационное загрязнение», который в полной мере может иметь отношение к культурной политике современного Таджикистана. Исходя из этого, в культурном пространстве может отмечаться рост количества информации, которая, будучи выданной, уже не может быть отозвана по принципиальным соображениям» [3].

Современные теоретики мемориальной культуры, концептуализирующие практики работы с прошлым вырабатывают различные формы бытования памяти. В частности, немецкая автор Алейда Ассман предлагает различать «холодную» и «горячую» память, фиксирующую степень сопричастности общества тем или иным событиям исторического и политического прошлого [4]. В современном политическом пространстве Таджикистана до сих пор чувствуется присутствие «горячей» памяти, накладывающей отпечаток на социальные коммуникации и во многом определяющей векторы внутренней и внешней политики государства.

«Горячая» память, так или иначе, влияет и на самоидентификацию современных таджиков, фокусируясь в двух сюжетах — имперскому опыту в рамках СССР со всеми вытекающими политическими, культур-

ными и экономическими последствиями, а также в событиях гражданской войны, память о которой до сих в той или иной степени является достаточно чувствительной. Несмотря на постепенное «охлаждение» памяти, и медленное отдаление временного периода, когда таджикский обыватель, как отмечает Рустам Шукуров, «вставал под звуки гимна СССР, шёл по улицам, названным именами революционеров, радовался государственным праздникам» [5], давление советского имперского текста по-прежнему может быть довольно заметным. Для подчинённой культуры в системе имперских ценностей это имело очень большое значение, поэтому в таджикском обществе вполне объяснимы достаточно одобрительные и приветственные оценки в отношении СССР и России, в целом. Это подтверждает Р. Шукуров, отмечая, что «в отношении России ещё и в советское время приветствовалась комплиментарная «тоналность» [5].

Сформированная терпимость объясняется, несомненно, объективной оценкой неравнозначности наличествующих ресурсов в культурном и политическом диалоге с более влиятельным соседом – местоблюстителем и интерпретатором. Кейс современного Таджикистана подтверждает это установление. Таджикистан в качестве союзной республики в составе СССР, безусловно, не мог чувствовать себя на равных в диалоге с Москвой, не говоря уже о том, чтобы доминировать. Кейс современного Таджикистана есть следствие сложившейся ситуации, при которой малая культура испытывает трепет перед более влиятельной и ресурсоспособной — «трепет малого перед большим. Перед Империей», — так поэтически определяет эту конструкцию польский интеллектуал Чеслав Милош [6].

Подобная инерция во многом сохраняется в последнее десятилетие, хотя, правящая

элита Таджикистана может постепенно усиливать свою позицию в диалоге с российской стороной. Лояльность становится своеобразной политической технологией. Видимо, именно в этом следует искать объяснение такой загадочной комплиментарности таджиков по отношению к советской (русской) культуре. Так, старшеклассники школ г. Душанбе во время проведения Международной олимпиады молодёжи достаточно неплохо представляли себе некоторые сюжеты, представленные в произведениях русской литературы. «Метель» А.С. Пушкина, «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Они вполне свободно комментировали их. Русскоязычные школьники уверенно вспоминали сюжеты, называли героев, рассуждали об основной идее. Неслучайно, самые лучшие ученики становятся абитуриентами лучших вузов современной России. Тем самым, как будто поддерживается советская практика, когда за образованием нужно было уезжать в столичные города. Такая же сильная обусловленность советской педагогической рамкой сохраняется у учителей литературы и истории. Это позволяет сделать вывод, что традиции, заимствованные от советской педагогики и методики обучения тем или иным предметам гуманитарного цикла, пока ещё могут обеспечивать относительно честное и глубокое взаимодействие с учениками в рамках школьных образовательных практик.

Р. Инглхарт и К. Венцель, говоря о различиях между политическими процессами в тех или иных политических системах, обусловленных различными культурными аспектами, тем не менее, склонны отмечать, что «культурные традиции отличаются чрезвычайной устойчивостью; именно они формируют политическую и экономическую практику» [3].

Советское культурное наследие во многом определяет и современный экономический контекст взаимоотношений между Таджикистаном и Россией. Интеграция экономик выглядит достаточно впечатляюще. Рейсы в г. Душанбе есть практически из всех российских городов-миллионников. Помимо этого впечатляет количество рейсов, связывающих российские города и второй по численности город Таджикистана — Худжанд. В частности, осенью 2017 года из 180-тысячного Худжанта можно было добраться в Москву, Краснодар, Ростов, Екатеринбург, Новосибирск, Сургут. В отделениях местных банков рубль — одна из наиболее популярных валют, наряду с долларом США, евро и китайским юанем. Часто можно увидеть офисы сотового оператора «Мегафон». К слову, не во всех постсоветских республиках власть разрешает российским сотовым операторам свободно осуществлять деятельность на своей территории. В этом, безусловно, следует видеть часть какой-то достаточно сложной коммуникации, имеющей длинные, стратегические перспективы.

Комплиментарное отношение к советской культуре со стороны таджиков проецируется и на россиян, которые могут быть непосредственным образом связаны с ней. Проявление подобного внимания можно отнести к проблеме самоидентификации, о которой уже говорилось выше. В диалоге со среднестатистическим россиянином диспозиция выстраивается таким образом, что местное население не стремится превозмочь собственную провинциальность. Подобное ощущение преодолевается с большим трудом, являясь загадкой особых культурных кодов, формировавшихся с течением многих десятилетий. Россиян с готовностью принимают как партнёров — и в этом сложно не заметить следствие проводимой властью культурной политики.

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ВЛАСТИ

Проблема самоидентификации населения современного Таджикистана усугубляется сохранившейся «горячей» памятью о гражданской войне. Как уже отмечалось выше, события середины 1990-х гг. в Таджикистане не могут не рассматриваться вне данного контекста, выступая источником «горячей» памяти, концептуализированной А. Асман [4]. События прошедшей гражданской войны некоторыми исследователями склонны определяться как особые формы памяти, катализирующие «манifestацию разразившегося кризиса самоидентификации» [5].

В политическом дискурсе современного Таджикистана образ действующего президента вполне устойчиво ассоциируется с миротворческой деятельностью, с политической и экономической стабилизацией. Память о тех событиях всё ещё прочно бытует в общественном сознании. При случае, очевидцы гражданской войны с ужасом вспоминают события, непосредственными участниками которых пришлось им стать. Напоминание о войне и о роли современной таджикской политической элиты становится частью и педагогического дискурса. Так в качестве темы для школьного сочинения могут фигурировать сюжеты, связанные с миротворческой миссией Эмомали Рахмона и его удивительными дипломатическими способностями.

Общество, пережившее гражданскую войну, с тревогой могло наблюдать за хрониками сентябрьских событий 2015 года неподалёку от Душанбе, когда возник риск военного переворота. Тогда таджикская власть быстро мобилировалась и не дала мятежу распространиться по территории республики. Перемирие, достигнутое высокой ценой для таджиков является достаточной ценностью, чтобы вместо него получить новую неопределённость.

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ТВЁРДОЙ» ПАМЯТИ: ТАДЖИКСКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

Историческая и культурная память может иметь не только температурное разрешение, представляясь в качестве актуальной, «горячей» памяти и остывающей, «холодной». Память существует и материально, что справедливо притягивает к себе внимание некоторых авторов. В частности, Александр Эткинд предлагает различать «твёрдую» и «мягкую» память. При этом, «твёрдыми» формами выступают преимущественно объекты материальной культуры, а «мягкой» выступает культурный soft. Как отмечает исследователь, «общественное мнение, исторические дискуссии, литературные образы – умирали бы со сменой каждого поколения или даже с переменной моды и настроений, если бы не закреплялись в монументах, мемориалах и музеях» [7].

Советский культурный текст не может так просто быть вытесненным из культурного пространства современного Таджикистана. Вопрос целесообразности его сохранения является как минимум дискуссионным. В частности, Р. Шукуров указывает на подобные размежевания в случае демонтажа памятника Ленину в Душанбе в 1991 году [5].

Новая градостроительная политика власти активизирует наступление на советское архитектурное наследие. Так, летом 2016 года для интеллектуальной общественности довольно чувствительным оказался снос здания Русского драматического театра имени Маяковского, построенного в 1929 году в период сталинского правления. Возмущение даже породило, как отмечают некоторые издания «редчайшую социальную активность», в принципе, не характерную для ситуации с гражданскими и политическими свободами в Таджикистане [8]. Но для власти не оказались убедительными аргументы относительно культурной насыщенности здания театра, в здании которого

когда-то была провозглашена Таджикская ССР, а также тот факт, что в театре в период эвакуации жил и работал известный советский драматург Евгений Шварц [8].

Безусловно, для русскоязычной общности сам факт сноса театра, является довольно сильным вызовом и актом усиления национальной компоненты в культурной политике, в целом. Болезненно приняла факт сноса и театральная труппа. Но для нынешней правящей элиты все эти мифы относятся к бытованию Таджикской ССР в составе Советского Союза, а значит, вступают «твёрдым» свидетельством прежнего подчинённого положения. Чем быстрее это будет вытеснено, тем проще правящей элите конструировать практики собственной легитимации в гомогенном культурном пространстве. Проспект Рудаки, где находилось здание театра, постепенно застраивается высотными зданиями, утрачивая неповторимый советский архитектурный колорит. Некоторые исследователи предпочитают выстраивать чёткую связь между практиками легитимации национальной элиты и перестройкой городов, объясняя это разными аргументами [2]. Подобные практики довольно часты в центрально-азиатских государствах, где целесообразным является всё то, что исходит от правящего класса. Так выглядит вполне симптоматичным комментарий местных чиновников по поводу сноса здания театра. С их точки зрения «здание не имеет никакой архитектурной ценности и не отвечает стандартам «современного градостроительства» [9].

Интересы нового правящего класса Таджикистана превалируют над культурной памятью о временах СССР. Это означает, что есть устойчивый тренд на постепенное прощание с ней. Будет уместно обратиться к немецкому теоретику памяти А. Ассман, утверждающей, что шанс закрепиться в сознании нового поколения есть лишь у того,

что будет со временем «выставлено в музеях, воплощено в памятниках и попало в школьные учебники. Коллективная память позволяет членам сообщества, преодолевая пространственные и временные дистанции, сохранять ценностные ориентиры и системы координат» [4].

Новая градостроительная политика таджикских властей угрожает ещё одному зданию редчайшей красоты, сооружённому в советский период в 1958 году – чайхане «Рахат». Таким образом, Душанбе может потерять ещё один знаковый памятник советской эпохи. Показательны некоторые отповеди пользователей социальных сетей, просящих оставить в покое советский архитектурный памятник: «Чайхана «Рахат» является не только красивым зданием, построенным в национальном стиле, но также и памятником эпохе честности, порядочности, правдивости, дешевизны и человеческих ценностей» [9].

КУЛЬТУРНЫЙ SOFT СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Советское архитектурное наследие в Душанбе является более представительным. Помимо указанных примеров есть и другие здания, памятники, прекрасные мозаичные панно. Вышеуказанные примеры фиксируют лишь уязвимость наиболее знаковых для Душанбе мест, являющих собой уникальную комбинацию «твёрдой» и «мягкой» памяти о советском времени.

Таким образом, на примере современного Таджикистана можно заметить, как развитие государственности постепенно приводит к вытеснению советского имперского текста — национальным. Формы памяти, фиксирующие бытие в рамках империи замещаются новыми картинками, иллюстрирующими национальное. Вместе с этим, таджикский интеллигент совершат некий

comeback в национальный дискурс, оставляя в прошлом времена, когда в период политической неопределённости и «углубившись в собственное прошлое таджикский интеллигент был глубоко потрясён масштабами действительных потерь: измельчением, провинциализацией собственной культуры, нарастающей русификацией и «опрошением» языка» [5].

Национальный текст, манифестации которого некогда были опасны и наказуемы в империи, становится достаточно популярным и даже модным. Таджикские девушки могут делать селфи в национальных платьях, и это уже не порождает какой-то заметной критической рефлексии. Увлечение национальной одеждой молодых таджиков не ускользает от внимания исследователей, акцентирующих внимание на раскрытии в новых гардеробных пристрастиях темы национального возрождения, актуализированной на рубеже XX и XXI вв. В последнее время можно увидеть, как «многие художники-модельеры национальной одежды обращаются к религиозной теме», обретая утраченные за советский период традиции и смыслы [10].

Героический иконостас новой таджикской государственности представлен в знаменитостях, изображения которых нанесены на национальную валюту. Безусловно, у национальной государственности должны быть свои культурные герои. Национальные приоритеты культурной политики можно увидеть и в таджикизации имён. Главный пример необратимости данного процесса был продемонстрирован самим президентом [2].

В случае современного Таджикистана можно говорить о том, что государство постепенно завершило постсоветскую трансформацию, обретая авторитарную форму политического режима. Политический транзит, определяющийся Т. Карл и Ф.

Шмиттер, как «период неизвестной протяжённости, для которого характерна высокая степень неопределённости, когда действия сложно предугадать, а выбор недостаточно ясен» [11], мог быть перспективен только лишь в случае выбора авторитарного вектора, что и случилось на сегодняшний момент времени.

К настоящему времени в республике сформирован вполне устойчивый политический режим Эмомали Рахмона. В мае 2016 года Э. Рахмон получил право избираться неограниченное количество раз, чем, по сути дела, заявил о пожизненном президентстве с последующей передачей власти своему сыну Рустаму Эмомали Рахмону, который в настоящий момент является мэром Душанбе. Длительность присутствия Э. Рахмона на президентском посту постепенно способствует тотализации его образа. Выстраиваемые параллели с основателем таджикского государства И. Сомони и Э. Рахмоном отнюдь не случайны [2]. Подобное конструирование собственного образа кажется таджикскому политическому лидеру куда более перспективным, нежели апеллирование к советскому прошлому, свидетелей которого остаётся с каждым разом всё меньше. Авторитетные, героические предки кажутся более предпочтительными союзниками в процессе культурной перезагрузки. Поднятая рука таджикского президента встречает приезжающих в международном аэропорте г. Душанбе и сопровождает в городе. Портрет Э. Рахмона смотрит с центральных подъездов школ и университетов, его речь вербализована на многочисленных баннерах с нанесёнными цитатами. Подобная тотализация образа Э. Рахмона заслуживает внимания и отсылает к эзотерическим истокам его откровений. В целом, нужно понимать, что легитимность

власти в восточных режимах в полной мере корреспондирует с её мистическим характером. Отсюда, легитимность власти существует тогда, «пока действует её сакральный элемент, с которым связывается функциональность правящего режима» [12].

Стабильность сложившейся политической конструкции вполне устраивает Россию, заинтересованную в определённой предсказуемости. Вместе с тем, вызовы политической делегитимации режима Э. Рахмона всё-таки могут иметь место, что отмечают некоторые эксперты. В частности, Т. Варки считает, что изменить сценарий передачи власти могут влиятельные силовики. По его мнению, вполне вероятен сценарий, при котором произойдёт «обострение внутриклановой внутриаппаратной борьбы с участием силовых структур» как раз в случае политического кризиса, вызванного запуском механизма передачи власти [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный Таджикистан медленно, но верно движется по пути развития национальной государственности. Политический режим Э. Рахмона обладает необходимым запасом прочности [14]. Этому в полной мере способствует проводимая властью культурная политика. Период политической стабилизации, наблюдаемый на примере Таджикистана, рано или поздно актуализирует вопрос оптимизации культурной политики, её реформирования и заполнения смыслового и символического вакуума. В данном смысле, вопрос постепенного расставания с ценностным наследием советской империи является делом времени для действующего политического режима, который будет нуждаться в национальных культурных драйверах для политической легитимации [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Горак С. Идеология лидера в постсоветском Таджикистане. *Центральная Азия и Кавказ*. 2009;6:123–134.
2. Шукуров Р. Таджикистан: муки воспоминания. Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Москва: АИРО–XX; 1999. 446 с.
3. Горбаневская Н. Мой Милош. Москва: Новое издательство; 2012. 440 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс; 1989. 615 с.
5. Панфилова В. Эмомали Рахмон стал пожизненным президентом. [процитировано 05 ноября 2017]. Доступно: http://www.ng.ru/cis/2016-05-23/1_rahmon.html
6. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. Москва: Новое литературное обозрение; 2016. 232 с.
7. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем. Москва: Дом Высшей школы экономики; 2016. 456 с.
8. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. Москва: Новое издательство; 2010. 463 с.
9. Карл Т., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы для изучения посткоммунистических трансформаций. *Полис*. 2004;10: 6–28.
10. Скиперских А.В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина; 2006. 142 с.
11. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. Москва: Новое литературное обозрение; 2016. 328 с.
12. Умарова Г.А. Символика цвета и цветовые предпочтения в костюме мусульман (на примере Таджикистана). *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2014; 4(1): 131–136.
13. Социальные медиа региона: советские здания как хранители истории для жителей Алматы и Душанбе [процитировано 05 ноября 2017]. Доступно: <http://www.dialog.tj/news/sotsialnye-media-regiona-sovetskie-zdaniya-kak-hraniteli-istorii-dla-jitelei-almaty-i-dushanbe>
14. В Душанбе начали сносить театр Маяковского [процитировано 05 ноября 2017]. Доступно: <https://news.tj/ru/news/v-dushanbe-nachali-snosit-teatr-mayakovskogo>
15. Diamond L. Thinking About Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*. 2002; 2(13): 21–35.

REFERENCES

1. Gorak S. Ideology of the leader in Post-Soviet Tajikistan. *Central Asia and the Caucasus*. 2009;6: 123–134. (In Russ.)
2. Shukurov R. Tajikistan: memories of memory. National history in the Soviet and post-Soviet states. Moscow: AIRO – XX; 1999. 446 p. (In Russ.)
3. Gorbanevskaya N. My Milos. Moscow: New publishing house; 2012. 440 p. (In Russ.)
4. Bart R. Selected works. Semiotics. Poetics. Moscow: Progress; 1989. 615 p. (In Russ.)
5. Panfilova V. Emomali Rakhmon became a life president. In Tajikistan, the transfer of power was legally enacted [quoted on November 5, 2017]. Available: http://www.ng.ru/cis/2016-05-23/1_rahmon.html (In Russ.)
6. Assman, A. A new dissatisfaction with the memorial culture. Moscow: New literary review; 2016. 232 p. (In Russ.)
7. Lubbe G. Up with the times. Short stay in the present. Moscow: House of the Higher School of Economics; 2016. 456 p. (In Russ.)

8. Inglehart P., Welzel K. Modernization, cultural changes and democracy. The sequence of human development. Moscow: New publishing house; 2010. 463 p. (In Russ.)
 9. Karl T., Schmitter F. Democratization: concepts, postulates, hypotheses. Reflections on the applicability of the transitological paradigm for studying post-communist transformations. *Po-lis*. 2004;10: 6–28. (In Russ.)
 10. Skiperskikh A.V. Legitimation and delegitimation of Post-Soviet political regimes. Yelets: YSU named Ivan Bunin; 2006. 142 p. (In Russ.)
 11. Etkind A. Crooked grief: The memory of the unburied. Moscow: New literary review: 2016. 328 p. (In Russ.)
 12. Umarova G.A. Symbolism of color and color preferences in the costume of Muslims (on the example of Tajikistan). *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*. 2014;4(1): 131–136. (In Russ.)
 13. Social media of the region: Soviet buildings as custodians of history for residents of Almaty and Dushanbe [quoted on November 5, 2017]. Available: <http://www.dialog.tj/news/sotsialnye-media-regiona-sovetskie-zdaniya-kak-hraniteli-istorii-dla-jitelei-almaty-i-dushanbe> (In Russ.)
 14. The Mayakovsky theatre was demolished in Dushanbe [quoted on November 5, 2017]. Available: <https://news.tj/en/news/v-dushanbe-nachali-snosit-teatr-mayakovskogo> (In Russ.)
 15. Diamond L. Thinking About Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*. 2002; 2(13): 21–35.
-
 Статья получена 18.12.2017
 Received 18.12.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр В. Скиперских, доктор политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия; 614070, Пермский край, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 38; pisatels@mail.ru

Aleksandr V. Skiperskikh, Doctor of Political Sciences, National Research University «Higher School of Economics», Perm, Russia; bld. 38, ul. Studencheskaya str., Perm 614070, Russia; pisatels@mail.ru